

Охучуларımıza təqdim etdiyimiz bu kitabın müəllifi rusiyalı araşdırmaçı publisist Modest Kolerovdur. Onun ermənilərin "milli qəhrəmanı", faşist xislətli Nijde Qaragenin fəaliyyətində yeni arxiv sənədlərin aşkar edilərək kitab şəklində dünya ictimaiyyətinə çatdırılması bir daha sübut edir ki, faşizm bərhəmişdən dünyə erməni xislətini də tanımalı, mübarizə sürətlə davam etməlidir.

(Əvvəli ötən sayımızda)

В день получения этого письма, я глубоко пожалел о том, что отхлестал тех двух членов Высшего органа вместо того, чтобы пристрелить их. В тот же день я почувствовал, что покинул партию Дашнакцутюн... Свой политический курс партия Дашнакцутюн не согласовывала с положением армянского народа. С преступной небрежностью партия Дашнакцутюн игнорировала опасность, угрожающую нашему народу... Многие её члены были убеждены, что идея показной независимости Армении может стать её надгробным камнем. Они это знали, но до сих пор партийность как самоцель и партийный эгоизм не позволяют руководству партии Дашнакцутюн установить разумные взаимоотношения с советскими властями... Перед партией Дашнакцутюн сейчас стоит дилемма, с кем ей быть - с турками или с великим русским народом? Партия будет предательницей, если решительно не ответит: "С русскими против турок!". Именно такого политического решения требуют от нас как наше национальное и человеческое достоинство, так и интересы физического существования армянского народа... Сейчас Дашнакцутюн - умирающее явление. Её существование больше не требует, бесполезно и нелогично. Она находится в противоречии с нынешней эпохой. Она должна исчезнуть. С осознанием всего этого я покинул партию Дашнакцутюн".

Мы не будем комментировать рассуждения Нжде о партии Дашнакцутюн и обвинения, выдвинутые против "старых друзей", во многих отношениях они справедливы и уместны. Но несправедливо, что Нжде, притворяясь невинным, пытается всему этому придать некий оттенок "объективной оценки стороннего наблюдателя", как будто он никогда никакой связи со всем этим не имел, будто бы он не имел доли в этих ошибках и грехах. В статьях и записках Нжде нам так и не удалось найти, пусть бы опоздавшее, слово осуждения или хотя бы узнать отношение "рыцаря патриота" к Александропольскому договору, превратившему Армению в коврик для ног турок, к принесенному новым бедствия в окрестности страны "Комитете спасения" и его февральскому преступлению (которое произошло не без деятельной поддержки Нжде), и наконец, к позорной телеграмме Врацян о сдаче Еревана туркам. Во время всех этих событий Нжде вел активную переписку с Симоном Врацян, был его сторонником и помощником. Прочитав ещё раз: "Перед партией Дашнакцутюн сейчас стоит дилемма, с кем ей быть - с турками или с великим русским народом? Партия будет предательницей, если решительно не ответит: "С русскими, против турок!". Это пишет Нжде, и он прав, но была ли эта дилемма новой, только "сейчас" и неожиданно возникшей? Разве не было этой дилеммы, когда Армения стала советской? До этого поведение Нжде ещё можно было понять и удостоить похвалы и одобрения его упорство в Зангезуре, но потом... Не был ли Нжде с теми, кто в Александрополе и после него дали противоположный ответ на стоящую дилемму: "С турками, против русских!", вместе со всеми этими вражескими и рублинами, вместе с их "Комитетом спасения"?.. Именно об этом он благодарно "забывает".

В действительности расхождения и споры Нжде с шефами Дашнакцутюн не происходили "на принципиальной и идейной почве", как он пытается в этом убедить. В их основе лежали неутолимые амбиции Нжде быть "единственным лидером" и его патологическое тщеславие. Однако же в трудную минуту "Хуступский орёл" с лёгким сердцем мог записать всевозможные "принципиальные разногласия", без глубоких и видимых переживаний мог честолюбие принести в жертву целесообразности, мог сойти со своего "рыцарского величия" на грешную землю, приспособиться к новой ситуации, стать услужливым, быть лживым, смиренным и скромным, надеясь и ожидая очередной благосклонности судьбы. Таким он был в Зангезуре, когда слал увещевания в дружбе туркам, таким был, когда вновь вернулся в кормящие объятия Дашнакцутюн, таким был в тюрьме, когда давал советским властям "исповедь запоздалой любви": "Для цагакрана великий русский народ является единственным естественным союзником армян. Для него нет "армянский", но есть Армения. Армения сегодня советская, это значит что, в соответствии с законами исторического развития, это могло быть только так..." или "...турки, которые мечтали видеть все тюркские

племена под своей крышей, никогда не смогут быть вместе с Советским Союзом, по той же причине армянский народ не может жить в условиях государственности без сильного друга - русского народа". В 1925 году Нжде снова просит восстановить его в партии Дашнакцутюн, в то время у него еще не было достаточного признания и влияния в диаспоре, средства к существованию были скудными. Для партии Дашнакцутюн это был сложный период, партия была деморализована, скомпрометирована и расколота из-за внутренних раздоров. Про атмосферу, царившую в то время в диаспоре, пишет Забел Есаян:

QAREGIN ƏSL ERMƏNİ FAŞİSTİ OLUB

Гарегин Нжде: миф и реальность

"Позор Лозаннской конференции нанёс последний удар по тем, кто своими обманчивыми заверениями мог держать общественное мнение в колебании... Больше нет людей, кроме их лакеев, что верили бы их словам, доклады различных героев будут слушать с ироничными замечаниями, усилия вражеских, рублинов и хатисьянов, направленные на то, чтобы расположить к себе хотя бы часть молодёжи, прошли напрасно. Но эти настроения разбросаны, неопределённые и бессвязны, и благодаря тому, что недовольства эти не сформулированы, другие посчитают их, само собой, не принимаемыми в расчёт недовольствами".

Нужно было спешить воспользоваться этими "разбросанными и неопределёнными настроениями", пока диаспора была в замешательстве. Вот когда украденные из Армении деньги и золото были введены в действие. Тихо-тихо Симон Врацян и его лакеи взяли в свои руки национальные институты диаспоры, школу, прессу, Нжде снова понадобился Дашнакцутюн, и, в свою очередь, Дашнакцутюн вновь понадобился Нжде для хождения своего места в диаспоре. Партийная пропагандистская машина опять возвысила его для введения диаспоры в заблуждение, используя как символ его имя, как образ непоколебимого дашнакцакана, который под руководством родной партии с неопределимым мужеством сопротивлялся большевикам-захватчикам для сохранения последнего клочка независимой родины. Он - Нжде - с удовольствием поощрял распространение мифов о своих "легендарных подвигах", не считал ниже своего достоинства заказывать статьи о своих "бессмертных деяниях" в прессе диаспоры. Ранее он уже продиктовал свою историю "героической борьбы" румынскому армянину Вардану Геворкяну, который издал книгу под красноречивым названием "Героика Нагорной Армении". Казалось, что он сам уже начинал верить в "особенную личную историческую миссию". Не осведомлённая о жизни и событиях в Советской Армении диаспора была в процессе смены поколений, в дело промывки мозгов и перетягивания на сторону Дашнакцутюн этого нового поколения влился Нжде вместе с партией. Именно этой цели должны были служить так называемые "заветы цагакрана". Но прошли годы, и имя Нжде, без помощи Дашнакцутюн, стало известным, а успешный брак с дочерью предпринимателя-ювелира сулил материальную независимость. Теперь уже Нжде мог не бояться, что Врацян его "как Андраника оставит беспомощным бродягой". Пускай снова выгоняют из партии, или он сам уйдёт. Это произойдёт потом - в 1937 году... Зангезур научил Нжде быть "единственным, непререкаемым и незаменимым".

Он снова почувствовал неудержимое желание стать "хозяином и лидером". Правда, для этого нужно было выдумать какую-нибудь новую "идеологическую" наживку, дабы отличиться от партии Дашнакцутюн и обольстить полубразованную молодёжь, но это не пугало нашего "рыцаря", он умел держать речь... Вот так был создан "Цагакронизм", который должен был быть только его собственным и от него неотделимым. Диаспора желала нового "героя" - и вот он: Хуступский орёл, ужас турок, непобедимый спарпет (главнокомандующий) независимой родины. Однако постоянно преувеличивавший свои возможности и ораторское умение Нжде ошибся в своих расчётах. Недолго продлилось

восхищение диаспоры новоявленным спасителем. Даже имеющие особую слабую к "патриотическим" ораторам армянские колонисты вместо рыцаря, о котором он мечтал, увидели в нём только очередного пустовзвона и ничего более. Похитить диаспору из-под носа у Дашнакцутюн оказалось трудным делом. "Почти из всех наших поселений беженцев обращаются ко мне с предложением посетить их страны с целью сплотить молодёжь и присоединить её к движению Цагакрон, - пишет Нжде, - именно это стало причиной того, что партия Дашнакцутюн, боясь потерять свои позиции, враждебно относилась к любой новой силе, возникшей в армянской реальности, выступила против Цагакронизма".

Нжде большей частью прав, Дашнакцутюн, конечно, боялась потерять диаспору, монополия дурачить которую была только её, партия лишь так могла сохранить своё политическое существование и паразитировать под именем "армянс-

помощь советскому правительству:

"Я был уверен, что мой рыцарски-патриотический шаг - то, что я остался, - будет достаточным для того, чтобы заставить советские власти забыть о моём антисоветском прошлом... Жаль, Красная Армия не двинулась в сторону Турции". Интересно, почему Нжде решил, что Красная Армия должна двинуться на Турцию? Кто это сказал, когда это Красная Армия дала ему повод так подумывать? Это, конечно, очередная маленькая хитрость Нжде, чтобы оправдать его подозрительную линию поведения и спасти лицо "рыцаря".

В словах Нжде о своих возможностях, мягко говоря, снова есть преувеличение. В сложившихся обстоятельствах, когда оказавшие большие или малые услуги нацистам видные деятели оказались в центре внимания антифашистов, Нжде уже, вероятно, было трудно уйти. Во всяком случае, у Нжде было не больше возможностей, чем у Геринга или Муссоли-

нов". Но националисты, которые только номинально таковы, не менее отвратительны. Своей базарной моралью эти существа опустились до уровня скота. Знакомые, друзья, родственники - никто тебе не откроет дверь, даже если с крестом назарянина на твоей спине и терновым венцом на окровавленном челе попросишь защиты у них. Забыли, все забыли, что только благодаря моим усилиям избежали судьбы евреев, все четыре года все они только богатели и богатели. Те, кто ещё вчера искали твоего взгляда и твоего "привета", сегодня также избегают твоего имени и твоей тени... Диаспора, ты снова заставила меня пережить трагедию бесчестия! Позор тебе и стыд!". Девиз "непонятно рыцаря" он будет повторять ещё много раз, как в письме Сталину, которое также не дошло до адреса - та. Мы представим это письмо позже. Советские чекисты, конечно, не придавали серьёзного значения бесхитрым объяснениям Нжде и его забавным "геополитическим" поучениям, они имели свою цель, про которую уже говорилось выше. И так, что же оставалось делать Нжде после того, как его "по-рыцарски" сидящего дома арестовали и отправили в СССР? Ему оставалось ждать приговора суда, а этот приговор мог быть страшным. Страна, пережившая потерю миллионов своих чад в войне, с полным правом могла расстрелять Нжде без следствия, без суда и приговора как гитлеровского денщика, и это было бы справедливым и понятным. Нжде знал это.

С его ареста до вынесения судебного приговора прошло почти четыре года. На протяжении всего этого времени возможность быть расстрелянным представлялась совершенно реальной, и в продолжение всего этого периода Нжде всячески уверял в кардинальном изменении своего отношения к советской власти, в том, как и почему он из заклятого врага советского строя превратился в апологета и друга этого строя. Пересмотр и переосмысление личных взглядов в целом - нормальное явление для каждого человека, и в этом нет ничего предосудительного, более того, это даже похвально. Но в этом случае становится важна побудительная причина, цель, искренность. Уже сказано, что Нжде всё это объясняет своим единственным патриотическим стремлением и страстным желанием увидеть Турцию побеждённой. И это страстное желание воплотить в жизнь может только советское государство.

В недалёком прошлом, до ареста, с такой же мечтой Нжде предложил свои услуги германским нацистам, но в то время жизнь заключенного, ожидающего расстрела, ему была ещё незнакома. Кажется, что Нжде в обоих случаях не лжёт, как во время службы у немцев, так и в советской тюрьме, в обоих случаях как будто мотив - неудержимое желание бороться с Турцией. Но, конечно, в этих в целом и коренным образом различающихся ситуациях его цели были различны. Теперь давайте вспомним ещё один документ, это так называемый протокол резолюции Общезангезурского съезда делегатов 69 сёл, состоявшегося в Татеве 25 декабря 1920 года. Но сначала скажем, что в это время на основной территории Армении утвердилась советская власть. Вскоре большевики присоединили к Советской Армении Лори, который ярые "национальные патриоты" ещё 13 ноября 1920 года, согласно официальному договору, щедро уступили меньшевистской Грузии. Немного позже большевики вернули Армении также Гюмри. Но давайте вернёмся к вышеупомянутому документу. В четвёртом пункте протокола читаем: "Съезд единогласно решил пригласить своего освободителя, своего героя Нжде как Сюникского спарпета (полководца), и бурным рукоплесканием голоса за него, свою судьбу вверяет ему". Съезд, объявив единственным своим врагом советскую власть, провозглашает себя отделённым от Советской Армении. И так, враг известен, это - Советская Армения. А какими будут контакты и отношения к соседям - жителям Сюника, провозглашённого самостоятельным 118 представителями 69 сёл и, конечно, "освободителем и героем" Нжде? Шестой пункт протокола поясняет: "Отношение Зангезура к правительству Азербайджана будет дружественным, но оно пока что не может установить тесные отношения с Азербайджаном, пока взаимное доверие между двумя соседними народами не будет искренним". Давайте вспомним, что Азербайджан тоже был советским.

Теперь про отношение к туркам, которое оглашено в том же шестом пункте: "Взаимоотношения Зангезура с его соседями-турками свыше трёх лет, благодаря внешним провокациям и политическому вмешательству, были враждебными, с сего дня съезд полон надежд, что эта неуместная вражда между двумя многовековыми соседями закончится, давая место тесной дружбе".

(Davami gəlan sayımızda)

кого суда". Нжде и Дашнакцутюн пустили в дело все приемлемые и неприемлемые средства для того, чтобы компрометировать и изолировать друг друга. Их драка - драка только за возможность править диаспорой и более ни для чего иного. И Нжде проиграл. Он лишь смог собрать вокруг себя несколько десятков протасток и легковёрных юнцов "цагакронов". Незадолго до ареста он высказал своё горькое разочарование по отношению к диаспоре в несколько впечатляющем, настолько же несправедливым упреке: "Диаспора...Стыд тебе и позор!".

Несомненно, замысел показать Нжде, а затем Деведжяну Ереван был частью подготавливаемого шпионского сценария. Разумеется, великодушная столица Советской Армении должна была произвести сильное впечатление на тех людей, которые в последний раз видели Ереван более чем 30 лет назад. С высоты Монумента перед глазами Нжде открылась панорама нового Еревана - сама по себе неоспоримый и безоговорочный аргумент в пользу советской системы. Один из руководителей службы госбезопасности Армении, сопровождавший Нжде, пишет об этом эпизоде: "Нжде был удивлён красотой города, он прослезился. Мы поверили в его искренность...". А сокамерник Нжде Ованес Деведжян рассказывает в своих воспоминаниях, что Нжде, вернувшись с прогулки по Еревану, не скрывал своего удовлетворения: "Впечатления мои положительные, старый Ереван преобразился, стал неузнаваемым". Вскоре Деведжян также получает возможность лично убедиться в этом. А какими мотивами руководствовался Нжде, когда после ареста упорно и настойчиво предлагал свои услуги органам государственной безопасности, которые в конце концов решили попробовать - почему бы и нет? Нжде в своих показаниях и записях зачастую, неизвестно почему, считает необходимым напомнить, что он - старый солдат - презирает смерть, что если он хочет жить, то только ради того, чтобы снова ринуться в пучину борьбы против Турции. Нжде неизменно обращается к этому много раз используемому им доводу, как бы оправдывая то, что сдался живым. Нжде именно этим объясняет то, что остался в Софии, хотя, как пишет он сам, имел замечательную возможность уехать из Болгарии. Но опять же, согласно его "скромному" самопределению, совершив "рыцарски-патриотический шаг", он остался, дабы предложить свою

его записях, сделанных в последние дни свободы, читаем: "Вечно омерзительны рабы, которых всегда использовали внешние силы для утоления своей бессильной злобы и для уничтожения среди соотечественников своих "вра-